

ВЕЧЕР

Девочка зажмурилась: на неё пристально глядели женщина из стены и маленький старичок. У них над головами были большие круги.

— Страшно-то как, — прошептала Наденька и натянула одеяло до подбородка.

Спустя минуту девочка закрыла лицо руками, расставив пальцы так, чтобы было видно в щёлку, но старичок и женщина оставались недвижимы: она глядела далеко вправо, а он — в Наденькины глаза.

— У тебя голова большая, — сказала старичку Наденька и испугалась.

Прошли несколько тихих минут. Желудок недовольно заурчал. Девочка сунула большой палец в рот и пробормотала:

— Пшму у тбя глва блшая?

Темноту ночи рассёк детский смех.

— Извини, дедушка, — сказала Наденька, всё ещё смеясь. — Я говорю, почему у тебя голова большая?

Старичок молчал, на лице женщины зрела улыбка.

— Наверно, ты просто такой уродился, — решила девочка и строго произнесла: — Ладно, поздно уже. Завтра поговорим.

Наденька обняла одеяло, вздохнула и залезла под койку.

— Спокойной ночи, — прошептала она и вздрогнула, услышав, как на кухне бьётся стекло.

УТРО

Утром девочку разбудил голод: желудок урчал настойчивей. Она встала, бояся пошла на кухню. Дотянулась до холодильника, открыла его, вздохнула, качая головой:

— Эх, пожрать-то нечего! — и хлопнула себя по губам, пугливо обернувшись.

Сзади никого не было.

— Прости, Господи, — шепнула Наденька, неуклюже перекрестившись, и достала со средней полки половину огурца, а с боковой — сырое яйцо.

На кухне Наденька зажгла конфорку на газовой плите.

— Ай, бл..! — вскрикнула девочка и опять стукнула себя по губам: — Прости, Господи, меня грешную.

В шкафчике она нашла чугунную сковородку, подсолнечное масло и корочку чёрного хлеба. Наденька поставила чайник, разбила яйцо на разогревшуюся сковородку, бросила туда корочку и села на стул ждать.

— Вот так вот, — сказала девочка, ни к кому особо не обращаясь. — Вот так вот. Яйцо вот нашла — хорошо. Чая вот ещё много, — она открыла жестяную банку, сунула в неё нос и оглушительно чихнула, — это тоже хорошо. Огурчик свежий — почти как бабушкин...

ВЕЧЕР

— У меня бабушка была, — Наденька стояла у стены и глядела в печальные большие глаза женщины. — Мы с ней читали много сказок, а ещё делали из желудёв

человечков. Она пекла пирожки, — девочка схватилась за живот, согнувшись, — уку-у-усные... С луком вот, с картошечкой...

Женщина молчала.

— Скажи что-нибудь? — Надя посмотрела на старичка. — Почему у тебя руки такие маленькие? А она, — Наденька показала на женщину, — твоя мама, да? У меня тоже была мама...

Где-то в комнате звякнуло. Надя испуганно улыбнулась старичку и его спутнице и спряталась под кровать.

— Сидите тихо, — прошептала она, закрыла голову руками, подтянула колени к лицу и замерла.

По дому кто-то ходил и ругался. Звенело стекло, трещали деревянные прогнившие доски, скрипел советский диван. Девочка лежала на боку и сосала большой палец, обречённо глядя в сумрак комнаты.

На стене висел старинный ковёр. У изголовья кровати стояла этажерка: на ней — фотография улыбчивых парня и девушки, держащей на руках маленькую дочку. Ещё в комнате было окно с короткими жёлтыми занавесками — точно напротив иконы.

УТРО

Наденька выбралась из-под кровати и огромными, наполненными страшной детской слезой глазами взглянула на старичка.

— Я не хочу больше, — прошептала она. — Не хочу, — помотала головой, потёрла маленькими кулачками глаза и залезла под одеяло.

— И на небушко не хочу, — Наденька жалобно, судорожно всхлипнула.

Остановив неудержимый вздох, она поднялась: надела галоши, перекрестилась и пошла на веранду. Там был вход в подполье. Надя очень боялась спускаться вниз: там было темно, а ещё шуршало — так, как будто кто-то здесь жил. Расхрабрившись, она сбежала по ступенькам вниз и схватила большую красную банку.

Надя жевала молча, сосредоточенно, не торопясь и пробуя каждую ложку как в первый или в последний раз. Это были маринованные помидоры.

— Хлеба бы, — сказала она в тишину дома. — Или картошечки... Горячей...

ВЕЧЕР

— Тётя, — девочка глядела на женщину, — я себе косички заплела. Посмотри какие! — и она покрутилась около стены, показывая две торчащие тоненькие косички медового цвета.

Женщина улыбнулась, а старичок помахал Наде рукой.

— Сейчас опять придут, — Наденька сморщила нос и прошептала, — придут вот опять, прости Господи. Вы только молча сидите, — и полезла под кровать.

Действительно, спустя несколько минут в доме раздались шаги. Кто-то тяжело шёл прямо в сторону Наденьки. Кто-то остановился в дверном проёме и прокрихтел в глубину дома:

— Иди сюда!

Наденька дрожала и про себя шептала молитву, которую учила с бабушкой. Она услышала, как кто-то второй зашёл в комнату и рыкнул:

— Скоко за такую дадут?

— Тыщ пять, — отозвался первый и стукнул кулаком в стену, — эх, заживём!

Послышались глухие удары: кажется, ломалось дерево. От страха Наденька провалилась в сон.

УТРО

— Тётенька, дедушка, где вы? — плача, Надя стоит у стены, на которой больше нет ни женщины, ни старичка.

Дерево раскурочено, выломано — на домовой стене зияет огромная тёмная рана. Наденька, сдерживая рёв, складывает одеяло, как её учили мама и бабушка, идёт на кухню и видит, что банки с помидорами тоже нет.

У Наденьки не хватает духа снова пойти в подполье: девочка едва стоит на ногах и дрожит. Поскуливая, она ложится на кровать и заворачивается в одеяло.

ВЕЧЕР

Наденьку будит замечательный сон. Как будто она в тусклом, рассыпавшемся по комнате свете танцует, одетая в белое платье. Как будто в комнату входят женщина и старичок, встают у её кровати — старичок протягивает руку, а женщина говорит:

— Я твоя настоящая мама. А это твой дедушка.

И Надя хватается за морщинистую жёлтую ладонь — тёплую, как только что испечённый хлеб, рука выталкивает её вверх — и Надя летит на небо, где бабушка — большая, лучистая, с белоснежными волосами — стоит у огромной вздувшейся печки и печёт пироги.

— Где вы все? — проснувшись в тёмной, страшной комнате, заплакала Надя, и на стене появилась женщина. Рядом стоял старичок и улыбался, укутанный облаком искристого света.

— Мы будем плакать вместо тебя, — сказали они хором, и из их глаз потекла вода. Наденька испугалась.

— Не бойся, — прошептала женщина и ступила со стены на пол.

Она медленно, шурша накидкой, подошла к Наденьке, встала на колени у кровати, положила голову на подушку и, прикрыв прохладной рукой Наденькины веки, поцеловала её:

— Спи, а я буду тебя охранять.

— Хорошо, — согласилась Наденька и погрузилась в спасительный сон.

